



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

ГОРОД И ПОЭТ

[к этнографическому источниковедению]

Произведения художественной литературы являются важными историческими источниками, поскольку характеризуют эпоху, в которую они созданы, взгляды и интересы современников, их отношение к различным явлениям и событиям, иногда даже сам исторический процесс и — что особенно важно для этнографа — конкретную бытовую обстановку определенного места и времени. Наиболее ценная их особенность — наличие художественного образа, живой картины современности.

В нашем источниковедении проблема использования художественного литературного произведения в качестве исторического источника решается неоднозначно. Отмечая неразработанность проблемы в целом, исследователи признают обычно установившуюся традицию широкого привлечения древней литературы, но расходятся в оценке с этой точки зрения литературы нового и новейшего времени, в особенности XIX—XX вв.¹ Сомнения их можно понять, если учесть развившееся в это время разнообразие жанров и направлений в литературе, а также то, что у самих исследователей нет единства в оценке задач и сферы применения литературных источников. Спор идет, например, о возможности использования литературного произведения как источника для установления исторических фактов, о привлечении в качестве исторических источников таких произведений, как исторические романы².

В настоящей статье мы исходим из положения, что литературное произведение может быть историческим источником как для древности, так и для более поздних эпох, но только в том случае, если оно посвящено современности (тому времени, когда жил его автор). Произведения на темы прошлого могут рассматриваться скорее как исторические исследования; они отражают исторические взгляды автора и его современников. Так, «Евгений Онегин», «Мертвые души» или «Воскресение», с нашей точки зрения, — исторические источники, а «Борис Годунов», «Тарас Бульба» или «Война и мир» — исследования. Наша задача — показать ценность художественных произведений как исторического источника, в частности источника по интересующей нас проблеме — этнографии города. При этом мы остановимся на произведениях стихотворных, которые, насколько известно, до сих пор не анализировались как исторические источники.

В тех случаях, когда писатель пишет о современности, он может рассматриваться как очевидец — информатор, свидетель определенных событий или бытовых явлений. И в этом своем качестве он замечает и

¹ См. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М.: Соцэкгиз, 1962.

² Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник. — Вестн. ЛГУ. Сер. языка и лит., 1964, № 14; Гумилев Л. Н. Может ли произведение изящной литературы быть историческим источником? — Рус. лит., 1972, № 1; Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса). — История СССР, 1976, № 1.

передает читателю множество наблюдений, в большинстве своем беспристрастных и точных. Это в особенности можно сказать о поэте, потому что стихотворная форма, как правило, предельно лаконична; глаз поэта чрезвычайно острый, замечающий и фиксирующий четко и ярко иногда мелкие детали, на первый взгляд для произведения не такие уж важные, но, видимо, сильно влияющие на воображение автора. Художественный образ имеет здесь очень большое значение. Весьма существенно и то, как поэт преломляет виденное в своем произведении. Если отвлечься от парадоксально-юмористической заостренности известного рассказа Карела Чапека, нам представляется вполне реалистичным его сюжет: поэт заметил и воспроизвел в оригинально преломленном виде все детали уличного происшествия, свидетелем которого он случайно оказался, все, включая номер автомобиля³. Другое дело, что очевидец может ошибаться или даже сознательно исказить виденное. Его свидетельство должно быть подвергнуто строгой научной критике, как всякий исторический источник.

Прежде чем приступить к оценке с этой точки зрения поэтических произведений, рассмотрим некоторые частные, но важные для нашей темы их особенности.

В лирических стихах зачастую ясны не только настроение автора, не только пейзаж, но и физическое положение автора: где именно он находится, откуда смотрит.

Так, в белую летнюю ночь в Петербурге писать и читать «без лампы» можно было повсюду, но шпиль Адмиралтейства был освещен и бросался в глаза находящимся на левом берегу Невы, в то время как более высокий и импозантный шпиль Петропавловского собора казался им на фоне заката темным. Строки

«...светла
Адмиралтейская игла»⁴

связаны, видимо, с тем, что А. С. Пушкин жил на Галерной (ныне Красной) улице, с его виденьем городского пейзажа.

Но часто положение поэта определяется еще точнее. В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Свиданье» переживания обманутого влюбленного даны на фоне пейзажа:

«Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежую чинарою
Лежу я на ковре.

.....
Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...

.....
Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей

³ Чапек К. Поэт.— Чапек К. Избранное. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1974.

⁴ Пушкин А. С. Медный всадник.— Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах (далее — ПСС), т. IV. М.— Л., 1949, с. 379.

Над синею *Курой*,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой...»⁵.

Пейзаж этот вполне конкретен: можно определить то самое место, где лежит на ковре герой. Глазами героя поэт видит Тифлис в светлую летнюю ночь. Так именно можно увидеть город и теперь, если подняться на Комсомольскую аллею, примерно к зданию современного музея города (Государственный историко-этнографический музей г. Тбилиси им. И. Гришашвили). Рядом — развалины древней крепости Кала. Внизу — освещенный мост, Метехский замок с его собором и еще одна церковь. Герой видел их глазами русского, а не грузина: грузин не увидел бы колоколен — у кавказских церквей их, как правило, не бывает. Именно русский мог стройные силуэты древних одноглавых церквей воспринять как «колокольни черные». Немного ниже площадки, где, по-видимому, был расстелен ковер, находятся знаменитые тбилисские серные бани. Известно, что эти бани были в прежние времена своеобразным женским клубом — местом «смотрины, веселого времяпрепровождения, показа нарядов»⁶. И вот влюбленный наблюдает, как женщины и девушки попарно покидают бани и разбредаются по узким, пустынным в поздний час улочкам. А еще дальше внизу — обрывистый берег Куры, на котором лепятся маленькие, с плоскими крышами домики. Это — сценка городской жизни во всей ее бытовой конкретности. И. Л. Андроников⁷ установил, что Лермонтов не только бывал на этом самом месте, но и делал там наброски для своих пейзажей. И там же поэт поместил своего героя.

Или другой пример:

«Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...
Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое»⁸.

Не ясно ли, что автор смотрит из окна железнодорожного вагона? Об этом говорят не только «ропот колес непрерывный», который во времена Тургенева нельзя было услышать зимой иначе как на железной дороге, не только самый размер стиха, как бы навеянный рокотом колес, но и великолепно увиденное «небо широкое»: едущий на возу глядел бы «в небо высокое».

Подобных примеров можно привести множество. Но хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство: поэт отражает в своих стихах не только то, что он видит, но и то, что он слышит: стихотворный образ есть образ синтетический, полнокровный.

«Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!
Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода

⁵ Лермонтов М. Ю. Свиданье.— Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в четырех томах, т. I. Л., 1979, с. 484—485.

⁶ См. Гватца Н. А. Бани старого Тбилиси.— Сборник трудов Историко-этнографического музея г. Тбилиси. I. Тбилиси, 1966, с. 106.

⁷ Андроников И. Л. Лермонтов в Грузии.— В кн.: Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 4-е. М., 1977, с. 356—358.

⁸ Тургенев И. С. В дороге. 1843. Ноябрь.— Тургенев И. С. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1950, с. 237.

С пароходом вдалеке.
Это — древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне...».

В данном случае поэт находит образ сначала через звуки. В его сознании зазвучало имя Пушкинского дома — и вспомнился звон стелкающихся льдин (в феврале, когда написаны эти стихи, до ледохода еще далеко) и пароходные гудки. И глаз нашел здание, построенное Кваренги на набережной (Пушкинский дом помещался тогда в главном здании Академии наук), и заскользил привычно к сфинксам перед Академией художеств (вслед волне смотрит ближайший сфинкс, хорошо видный на фоне этого дома), а потом перенесся на другой берег реки, к памятнику Петра. И мы ясно представляем себе, откуда смотрит поэт, где он находится. Он должен стоять на набережной Невы, неподалеку от угла здания Сената. И мы представили бы себе это столь же ясно, даже если бы А. А. Блок не сказал сам в конце стихотворения:

«Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему»⁹.

Во всех приведенных нами стихах место, откуда смотрит поэт, не представляет первостепенной важности для их содержания. Основная тема в первом случае — отношение поэта к Петербургу, во втором — лирические переживания влюбленного, в третьем — внутреннее состояние Тургенева, в четвертом — значение Пушкинского дома (а возможно, и прощание смертельно больного поэта с жизнью). Мы можем представить себе для каждого из этих случаев и другие внешние обстоятельства. В целом замеченные авторами подробности — не более чем убедительные черты, усиливающие достоверность переживаний, о которых идет речь. Вместе с тем они тесно связаны с содержанием стихотворения; иногда можно увидеть и причинную связь. Так, довольно унылый, монотонный пейзаж (возможно, даже чужой страны: Тургенев провел перед тем несколько лет в Германии, в России же была тогда лишь одна железная дорога) — поля в зимнее туманное утро — мог навеять невеселые в общем воспоминания «родного, далекого». Но для читателя — историка, этнографа эти черты могут стать главными. Ведь именно такие штрихи, достоверные обстоятельства места и времени, найденные в произведении как будто бы совсем другой тематики, являются подчас неоценимыми свидетельствами современника о его эпохе. Они помогают восстановить конкретную обстановку того или иного времени. Если это можно сказать о стихотворениях сугубо лирических, то в более крупных формах, например в поэме, следует ожидать еще больше конкретного исторического и бытового материала. Из сказанного следует также, что историческим источником может быть стихотворное или прозаическое произведение преимущественно реалистического направления, но не исключительно реалистического, так как и произведения других направлений могут содержать в качестве фона конкретные черты окружающей автора действительности.

Заметим еще, что ценность для исследователя как конкретный историко-бытовой материал представляют стихи не просто современников, а лишь современников-очевидцев. Если речь идет о каком-либо городе, которого поэт сам никогда (или по крайней мере в ту эпоху, о которой идет речь) не видел, то такое произведение не может быть историческим источником. Из него не получишь (или не получишь, что называется, из первых рук) необходимого материала. Вряд ли кому-ни-

⁹ Блок А. Пушкинскому дому. 11 февраля 1921.— Блок А. Соч. в двух томах, т. I. М., 1955, с. 457—458.

будь придет в голову привлекать для истории Мадрида или для этнографической характеристики Испании, например, пушкинского «Каменного гостя».

Поэт, как известно, никогда не был за границей. Но все же попытался представить и даже нарисовать Мадрид: в рукописи есть рисунок — Дон Гуан у ворот Мадрида. Фигура — крупно, город — чрезвычайно мелко и общо. Думая, видимо, очень напряженно о Мадриде, поэт сумел ощутить себя на далеком, очень далеком юге:

«Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной —
И сторожа кричат протяжно: *Ясно!*
А далеко, на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует —»¹⁰.

У него появилась даже мысль, что в Мадриде теплее, чем в Париже. Но если эти ощущения южной ночи, ее вид, запахи, звуки были поэту хорошо знакомы, например, по Крыму, то для картины города материала у него не было, и вот в пьесе — ничего конкретного, характерного именно для Мадрида. Если бы не единственное упоминание об Эскориале, можно было бы с такой же степенью вероятности думать, что действие происходит, например, в Севилье или Толедо.

Однако подобных случаев сравнительно немного. Гораздо чаще поэты опираются на вполне определенный, хорошо им известный, прочувствованный материал, и именно это ценно для этнографа.

Вот каковы разные города России 20—30-х годов XIX в. в изображении одного и того же поэта — А. С. Пушкина.

Начнем со столицы — с Петербурга:

«Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —»¹¹.

Здесь больше эмоциональной оценки, чем бытовых подробностей, но поэт сумел в четырех строках сказать и о присущих городу противоречиях (пышный и бедный), и о его неповторимом внешнем облике (стройный вид), и о духе неволи и ввести такую характерную бытовую черту, как гранит (гранитные набережные, гранитные мостовые центра столицы). Можно сказать, что в этих строках заложена система образов «Медного всадника».

А вот еще одна картинка, изобилующая бытовыми подробностями. Юный аристократ возвращается домой после весело проведенной ночи и видит сквозь клонящийся его сон просыпающийся город:

«Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*»¹².

¹⁰ Пушкин А. С. Каменный гость.— ПСС, т. V, с. 384—385.

¹¹ Пушкин А. С. Город пышный.— ПСС, т. III, с. 77.

¹² Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. первая, XXXV.— ПСС, т. V, с. 25.

Нет, это, пожалуй, не Онегин. Не его глазами смотрит Пушкин. Город видит сам поэт и отнюдь не полусонными глазами.

Царскую столицу спозаранку будит барабан — при Николае или Александре, как прежде будил при Павле. И не надо уже описывать развод воинских частей. Город многонационален: тут и немец-хлебник (А. С. Пушкин употребляет древний, известный по крайней мере с XVI в. термин, а не более поздний — «булочник»), и охтенка-молочница из местных финнов (если даже мы предположим, что остальные названные здесь персонажи — купец, разносчик и извозчик — все русские). На улицу выходят окна домов, тщательно прикрытые на ночь ставнями. Барабан пробил — и ставни открыли. А восходящий к небу голубой дым свидетельствует не только о хорошей, безветренной погоде, но и том, что с утра во всех домах дружно топят печи. Это хозяйки начали готовить ранний обед мужьям, которые, по старому русскому обычаю, пошли на работу (в лавку, на биржу, просто на улицу), по-видимому, без завтрака: дневной хлеб надо еще заработать. Несколько десятков лет тому назад так рано и дружно топили печи в деревнях, и приближающийся путник мог видеть эту приятную картину — параллельно восходящие из труб столбы дыма над каждой избой. Значит, 150 лет назад то же самое можно было увидеть и в городе, даже в самом Петербурге. Эта деталь, как и некоторые другие подобные (мы еще остановимся на них), говорит об изначальной близости быта городских низов крестьянскому (в деревне такой всеобщий распорядок дня диктовался общей для всех необходимостью начинать многие сельскохозяйственные работы «чем свет», т. е. до рассвета). В дальнейшем горожане отошли от этого. Петербуржцы онегинского времени не сами производят свой хлеб, они покупают его в булочной, но тоже спозаранку, чтобы хлеб был свежий. И немец-хлебник не раз уж отворял свою форточку, т. е. продал уже не один хлеб: в те времена небольшие лавочки имели всего одно окно, выходящее на улицу; покупатели могли получать хлеб прямо из окна¹³. В немногих строках поэт показал и сложность, даже контрастность социального состава городского населения: на ранней зимней улице встретились и «прожигающий жизнь» дворянин, и купец, и мелкий торговец, и извозчик; в окне виден хлебник, а в барабан били, конечно, военные. Вспомним, что немного ранее говорится о театре, актерах, упомянуты кучера и лакеи.

Словом, здесь видны бытовые черты, характерные для городов вообще, для русских городов, для городов крупных и, наконец, только для тогдашней столицы — Петербурга.

Комментированию «Евгения Онегина» посвящено множество работ; последняя из них — прекрасная книга Ю. М. Лотмана, на которую мы только что сослались. Большинство комментаторов сходятся в том, что бытовые аксессуары романа — от продажи хлеба в Петербурге до регламентации дуэли — подтверждаются многими документами, мемуарами современников и другими источниками. Ставя себе иную задачу — показать, что взятые из окружающей действительности пушкинские картины городской жизни сами могут служить историческим источником, мы отметим здесь лишь важность для нашей темы вывода исследователей о жизненности, достоверности каждой строки «Онегина».

В «Евгении Онегине» находим столь же точное и яркое описание Москвы — тогдашней второй столицы. Но как непохожа она на первую!

«...Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!»¹⁴.

¹³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980. с. 165.

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. седьмая, XXXVI, с. 155—156.

Итак, прежде всего,— Москва старая. Поэт даже употребляет эпитет «белокаменная», возникший едва ли не в конце XIV в. И она — родная. И живописная. В общем нет в ней порядка, даже когда, подъезжая, видишь полукруг горизонта. Нет порядка и на изъезженных, ухабистых улицах, даже на главной:

«Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах»¹⁵.

Тут совмещаются взгляд самого автора, родившегося в Москве, отлично знающего и нежно любящего родной город, и взгляд его героини, впервые въезжающей в Москву. Поэт как бы нарочно называет подряд разнородные явления и предметы, какие могли попасться на глаза восхищенной и удивленной провинциалке Татьяне. Это нагромождение сочных подробностей лучше всего передает и смутенное состояние души бедной девушки, и характер города. Не упущена и такая деталь, как «стаи галок на крестах». Говорят, именно она возмутила главу Московской епархии — митрополита Филарета¹⁶. Но попробуем разобраться в этом хаосе — и всплывут некоторые черты, как ни странно, общие с таким чопорным Петербургом.

Да и так ли уж хаотично описание, как кажется сначала? Если «вглядеться», то все детали московского пейзажа расположены в строгом порядке — так, как видит их въезжающий в Москву по Петербургской дороге (нынешнее Ленинградское шоссе). Именно так чаще всего въезжал сам Пушкин; так ехали и Ларины из своей Псковской губернии. Дорога шла мимо Петровского замка, которому посвящено несколько строк. Столбы заставы — это проезд через Камер-коллежский вал в том месте, где теперь площадь Белорусского вокзала. Там были тогда еще и частокол, и караульные помещения, а на заставе, конечно, шлагбаум. Возможно, будками названы они, но скорее речь идет об уличных будках, в которых дежурили полицейские-будочники. Проехав по Большой Тверской-Ямской, пересекли недавно устроенную Садовую улицу и двинулись по Тверской, где в ту пору были и дворцы московской знати, и сады, и огороды; вскоре увидели монастыри (ближе, на нынешней площади Пушкина, — Страстной, подалее — Петровский), молодые бульвары, и, все еще едучи по Тверской, — старые башни Кремля и Китай-города (возможно, с высокой точки у нынешнего Моссовета). Свернули, видимо, по Камергерскому переулку (проезд Художественного театра) на Кузнецкий мост, где были и аптеки, и магазины моды, и через Фуркасовский переулок выехали на Мясницкую (улица Кирова), а там уж и до Харитоньевского недалеко. На этом пути им, конечно, могли встретиться и львы на воротах. Дорога, возможно, не самая короткая. Современный автомобилист поехал бы от площади Маяковского по Садовому кольцу, а там свернул бы в Большой Харитоньевский. Но в те времена ездили, видно, иначе:

«В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке

¹⁵ Там же, XXXVIII. с. 156—157.

¹⁶ Лотман Ю. М. Указ. раб., с. 328.

Возок пред домом у ворот
Остановился»¹⁷.

Да, в Москве смешение монастырей и церквей, чертогов со львами на воротах и лачуг; много еще от деревни (недаром А. С. Пушкин употребил здесь слова «бабы» и «мужики», которых не найдем в описании Петербурга). Но ведь это — все тот же свойственный большим городам контраст пышности и бедности. И в Москве сложен социальный состав населения, и можно встретить вездесущего купца, да, наверное, торговцев не одной национальности (там — немца, тут — бухарца) и, конечно, военных (в Москве это казаки). Москву, видно, не будят барабаном, но полицейская будка прочно вошла в городской пейзаж. Вместе с тем в Москве масса особенных, одной ей присущих черт — молодые еще тогда бульвары, и старые крепостные башни, и эти сорок сороков церквей, да и сама живописность смешения разнообразных черт.

Думается, что А. С. Пушкин не ставил себе в данном случае специальной задачи описать Москву, сюжет не требовал обязательно в этом месте поэмы и именно так обрисовать город, в который приехала Татьяна, не предписывал непременно ехать по Тверской через центр и т. п. Ведь нет в поэме и прямых указаний на то, что имения Онегина, Ленского и Лариных находились в Псковской губернии. Но мысленно поэт помещал своих героев в конкретную, хорошо известную ему обстановку. И вот Татьяна, которая, может быть, и бывала в Опочке, в Острове, даже во Пскове, впервые въехала в Москву именно так и именно так увидела город.

Но есть в поэме и специальное описание города, хотя оно и не имеет непосредственного отношения к ее героям, а лишь подчеркивает, что Онегин — «добрый приятель» автора. Это — отступление в «Путешествии Онегина»:

«Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

*
А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе пыльной, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе грязной —
И тут бы право не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут.
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

¹⁷ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. седьмая, XXXIX—XL. с. 157.

Но уж дробит камня молот,
 И скоро звонкой мостовой
 Покроется спасенный город,
 Как будто кованной броней.
 Однако в сей Одессе влажной
 Еще есть недостаток важный;
 Чего б вы думали? — воды.
 Потребны тяжкие труды...
 Что ж? это небольшое горе,
 Особенно, когда вино
 Без пошлины привезено.
 Но солнце южное, но море...
 Чего ж вам более, друзья?
 Благословенные края!»¹⁸.

Итак, Одесса предстает в этих строфах прежде всего как южный приморский город, крупный порт. Его обильный торг не скрипит возами, но «подъемлет паруса». Паруса примчали сюда людей из Западной Европы, Азии и Африки. Если в Петербурге, Москве на улицах всегда можно встретить людей нескольких национальностей, то в Одессе живет десяток народов по меньшей мере с трех континентов. И главное занятие жителей — торговля. Здесь — порто-франко — беспошлинная продажа многих товаров. Едва начался день, как «уже сошлись два купца».

Е. И. Дружинина в своем капитальном исследовании отмечает, что Одесса уже в 20-х годах XIX в. была самым крупным из черноморских портов России. В 1825 г. в этот порт направлялось почти $\frac{2}{3}$ всех судов, посетивших Северное Причерноморье (489 из 750). В Одессе жили тогда иноземные купцы по меньшей мере семи национальностей (кроме русских — греки, армяне, итальянцы, французы, австралийцы, англичане, евреи)¹⁹.

«Глядишь — и площадь запестрела.
 Всѣ оживилось; здесь и там
 Бегут за делом и без дела,
 Однако больше по делам.
 Дитя расчета и отваги,
 Идет купец взглянуть на флаги,
 Проведать, шлют ли небеса
 Ему знакомы паруса.
 Какие новые товары
 Вступили нынче в карантин?
 Пришли ли бочки жданных вин?
 И что чума? и где пожары?
 И нет ли голода, войны,
 Или подобной новизны?»²⁰.

Да, купец, или, как тогда еще говорили, торговец, — центральная фигура в этом городе, а торговая приморская площадь — его важнейший жизненный центр, где можно не только совершать торговые сделки, но и узнать последние новости — местные и мировые, — и хоть не читай газет. Так бывало в крупных городах и намного раньше, когда еще не было газет. Например, в древнем Киеве или Новгороде достаточно было «закликать» о каком-либо деле (для этого были особые лица — бирючи) на торгу — и все в городе были осведомлены.

¹⁸ Пушкин А. С. Отрывки из путешествия Онегина. — ПСС, т. V, с. 204—205.

¹⁹ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М.: Наука, 1971, с. 355, 359—360.

²⁰ Пушкин А. С. Отрывки из путешествия Онегина, с. 206.

Одесса живет полнокровной, яркой, оживленной жизнью. Это, как мы бы сейчас сказали, город-новостройка, поднявшийся у моря, среди нагой степи. Редкие молодые деревья высажены, но не дают еще тени; в городе пыльно и грязно, не хватает питьевой воды, не замощены улицы — словом, не наладилось еще городское хозяйство. Но этого надо ожидать в ближайшем будущем: работы уже ведутся. Значит, в городе порядочно рабочих-строителей и, вероятно, еще разных ремесленников и иного рабочего люда (ведь всю массу новоселов нужно кормить, обслуживать!) — о них автор не говорит. Заметим, что в печати того времени появлялись больше положительные характеристики Одессы: сведения о том, что население ее достигло к 1818 г. уже 25 тыс. человек, что построено до 2 тыс. домов, что улицы обсажены тополями и акациями²¹. Характеристика А. С. Пушкина более разносторонняя.

Насколько верно и точно охарактеризована А. С. Пушкиным Одесса, можно судить хотя бы по описанию города, сделанному почти на 10 лет позже Е. А. Авдеевой: «Как будто по волшебному мановению возник волшебный город с красиво выстроенными зданиями, магазинами, биржею, гостинным двором, театром и разными рядами, вмещающий около 70 000 жителей. Гавань наполнена кораблями всех народов, и вы можете встретить здесь представителей почти всей Европы. Какое смешение народов: испанец и армянин, француз и татарин, немец и грек, русский и итальянец...»²². Е. А. Авдеева, которая жила в Одессе довольно долго, не только хорошо знакома с пушкинским описанием Одессы — она полностью с ним согласна и даже находится под сильным влиянием пушкинских образов, где пересказывая, а где цитируя поэта: «Одно только весьма важное неудобство в Одессе — недостаток хорошей воды [вспомним — «в сей Одессе влажной еще есть недостаток важный»]: даже нет близко никакой реки; воду употребляют колодезную, а некоторые жители имеют в домах цистерны, где собирают дождевую воду». Но из ее повествования видны и некоторые новые черты, дальнейшие шаги развития города: бурно растет население, понемногу приспосабливаются к нехватке питьевой воды. «Все съестные припасы в сравнении с другими местами в Одессе весьма дешевы, и чего небогатый человек в другом месте никак не может себе позволить, в Одессе для него вещь обыкновенная... для гастронома как будто слились удобства и прихоти Европы с роскошью Азии»²³. Большинство неудобств города-новостройки к 1830-м годам отошло в прошлое: в Одессе много прекрасных зданий и не бывает уже такой грязи, как во времена Пушкина. Но топливо дорого: возят издалека. Выделились районы: аристократический — вокруг Ришельевской, торговцев и менял — на Греческой, торговли восточными товарами — на Екатерининской улице. В городе теперь три рынка. Главным остается описанный Пушкиным и теперь называющийся «Старый базар», более «молодые» рынки — Новый базар и Греческий. Но по-прежнему дважды в день гремит с корабля пушка. Е. А. Авдеева заметила и некоторые этнические и этнокультурные процессы, в частности сближение живущих в Одессе наций: каждая из них сохраняет еще свои обычаи, но появились уже и общие, распространившиеся у всех, например встреча Нового года, в канун которого бывает «собрание разных сословий». И в старые русские обычаи и обряды проникли некоторые новшества, по большей части европейские. Вообще Одесса, по мнению Е. А. Авдеевой, — «более европейский, чем русский город»²⁴ (ср. «там все Европой дышит, веет»).

Мы знаем, что А. С. Пушкин жил в Одессе как политический ссыльный, прикомандированный к начальнику края, генералу М. С. Воронцову. Видимо, было среди подчиненных начальника края множество молодых чиновников — «ребят без печали», как поэт говорит немного ниже.

²¹ Дружинина Е. И. Указ. раб., с. 362.

²² [Авдеева Е. А.]. Записки о старом и новом русском быте К. А. Авдеевой. Спб., 1842, с. 85. (В заглавии книги — К. А. Авдеева).

²³ Там же, с. 86—89.

²⁴ Там же, с. 86—96.

Судя по этим стихам, работой они себя особенно не утруждали, вели рассеянный, светский образ жизни — почти как в столицах, с той, однако, разницей, что после театра не каждый день отправлялись на бал: утром надо было все же рано вставать, чтобы «править должность». Город будила корабельная пушка, а убаюкивал шум моря. И в описании своего дня поэт, опуская докучную чиновничью службу — деловое безделье, очень точно рисует раннее морское купанье, завтрак (настолько, что читатель узнает даже, что автор пил кофе по-турецки — «с восточной гущей»), веселые застолья, театр....

Завязтый театрал, А. С. Пушкин не упустил, конечно, случая описать спектакли в Петербурге и Одессе (где тоже был тогда театр, прекрасное здание которого построил петербургский архитектор Тома де Томон), в столице — балет Дидло, в новом городе — оперу Россини (заметим, оба — композиторы его времени, не выбрана, например, опера Моцарта). Читатель как будто сам видит представление. Живой темперамент поэта привлекает не только сцена, но и все, что происходит в театре во время спектакля.

«А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?»²⁵.

В те времена театр, как почти все городские общественные места, выполнял помимо основной еще одну важную функцию — места встреч и знакомств потенциальных супругов — женихов и невест. Рассматривать очень внимательно через лорнет сидящих в ложе дам не считалось неприличным (был даже такой глагол — «лорнировать»). Евгений Онегин, «скосясь», наводил свой двойной лорнет, чтобы убедиться лишний раз, что никто и ничто его не интересует. Пушкина интересовало все. Вот что увидел, например, его «разыскательный лорнет» в одесской опере:

«А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?»²⁶.

Да. Такого не увидишь в Петербурге! Там купчиха не станет светской львицей — это пока привилегия дворянок.

А сколько еще в приведенном описании черт, присущих одной Одессе! Вспомним хотя бы ходули, на которых только и можно было перейти улицу в грязь, или впряженного в дрожки вола.

Балы и театр в те времена — характерные черты быта высших слоев горожан, а не рядового мещанства. И внимание к ним А. С. Пушкина обусловлено прежде всего тем, что он сам принадлежал к высшим слоям населения города. Но для нас важно и то, что поэт заметил не только узкословные черты этих явлений, но и их общегородское значение.

Мы говорили, что в быту горожан очень древние элементы сочетались с явлениями вполне современными. Эти пережитки стойко держались потому, что были связаны с какими-то не исчезнувшими еще представлениями. Новшества успешнее входили в быт, если отвечали подобным представлениям. Так было, например, с балами. Это европейское новшество (под разными названиями) прижилось в России в конце XVII — начале XVIII в. едва ли не легче всех петровских реформ потому, что с древних времен у русских бытовали гулянья, хороводы, посиделки, вечорки (в деревнях — в более архаичных формах, в городах — в более усложненных). Будучи излюбленными развлечениями, такие встречи служили прежде всего для сближения молодежи, для облегчения выбора супруга. Так относились к балам и взрослые горожане, и сама молодежь, и Пушкин, конечно, тоже:

²⁵ Пушкин А. С. Орывки из путешествия Онегина, с. 207—208.

²⁶ Там же, с. 208.

«Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума;
Верней нет места для признаний
И для вручения письма»²⁷.

Советуя матерям строже приглядывать на балах за дочерьми, мужьям — за женами, он не упускает случая заметить, что с возрастом интерес к балам падает. Но что представлял собой петербургский бал?

«...Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шопот модных жен»²⁸.

А вот как это выглядело в Москве, на «ярмарке невест»:

«Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Всё чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.
.....
Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... Меж тем,
Между двух теток у колонны,
Не замечаема никем,
Татьяна смотрит и не видит,
.....
Забыт и свет и шумный бал,
А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.
Друг другу тетушки мигнули,
И локтем Таню враз толкнули,
И каждая шепнула ей:
— Взгляни налево поскорей.—
„Налево? где? что там такое?“
— Ну что бы ни было, гляди...
В той кучке, видишь? впереди,
Там, где еще в мундирах двое...
Вот отошел... вот боком стал...—
„Кто? толстый этот генерал?“»²⁹.

²⁷ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. первая, XXIX, с. 22.

²⁸ Там же, XXVIII, с. 22.

²⁹ Там же. Гл. седьмая, LI, LIII—LIV, с. 162—164.

Таковы столичные балы. Как будто в них меньше разницы, чем замечается в стихах А. С. Пушкина между Петербургом и Москвой вообще. И там и тут — парадная обстановка. В Москве описан знаменитый Колонный зал Дворянского собрания (ныне Дом Союзов) с хорами, откуда виден полукруг невест, в Петербурге — какой-то великолепный частный дом (с мраморной лестницей и цельными — без оконных переплетов — окнами), вокруг которого на сонной улице устроена даже местная иллюминация из плашек. В Петербурге на балу, пожалуй, меньше чопорности, чем в обычной светской жизни, и, как и в Москве, теснота и толкотня (заметим, кстати, что для этнографа в этих описаниях полезны и названия модных в ту пору танцев, и упоминания о деталях конструкции дома: парадные сени с мраморной лестницей и т. п.). Но вот точная примета места: в Петербурге из военных названы кавалергарды — привилегированный гвардейский полк, а в Москве — гусары, видимо армейские. Относительная строгость нравов на столичных балах выявляется в сравнении с провинцией — маленькими городками и помещичьими деревенскими усадьбами, где так отплясывали мазурку, что

«В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы...».

Поэт, кажется, не одобряет чинной столичной манеры скользить по лаковым доскам и рад, что

«...В городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы»³⁰.

Разница в манере танцевать между столицей и провинцией объясняется опять-таки тем, что в столице господствуют новые моды: танцевать мазурку «с припрыжкой» и пристукиванием подкованными каблуками — это французская манера, во времена Пушкина уже не модная. На столичном балу кавалер скользил медленно, плавно, как бы скучая, даму разговором не занимал — таков был модный английский дендизм, распространившийся как раз в 1820-х годах³¹. Однако и в провинциальный городской быт уже прочно вошли западные танцы: польская мазурка, немецкий вальс и т. п. Вспомним, что Л. Н. Толстой, специально изучавший ту эпоху, решил ввести русский танец (носивший в семье название Данилы Купора) только на бал у Ростовых, происходящий, по его замыслу, в начале XIX столетия. В данном случае перед нами, разумеется, не источник, но мнение авторитетного исследователя.

То обстоятельство, что А. С. Пушкин несколько раз показывает нам бал, свидетельствует о большом значении балов в тогдашней городской общественной жизни. А искусно вводимые им детали подчеркивают своеобразие различных вариантов этого явления в столицах и провинции. Попутно читатель узнает и множество деталей материальной культуры города, о которых мы уже говорили.

Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией высказанного ранее предположения о том, что вымышленный сюжет автор помещает зачастую в реальную, хорошо известную ему обстановку, может служить поэма А. С. Пушкина «Домик в Коломне». Героев ее — вдову, Парашу и «кухарку» Маврушу автор поселил в типичном мещанском доме-пятистенке, описания которого находим в архиве Географического общества СССР. В Коломне он и сам жил в молодости. Трагикомическая сценка возвращения вдовы из церкви могла произойти только в условиях планировки такого дома. В поэме, задуманной как ответ критикам в литературном споре, А. С. Пушкин дал живую картину жизни окраины ста-

³⁰ Там же. Гл. пятая, XLII, с. 117.

³¹ Лотман Ю. М. Указ. раб., с. 87.

рого Петербурга, а описанная им воскресная служба в приходской церкви типична для всех русских городов того времени³².

Но ограничимся сейчас лишь общей постановкой вопроса. Читатель наверняка заметил, что конкретные примеры — отрывки из произведений А. С. Пушкина (в основном из поэмы «Евгений Онегин») мы старались брать (за исключением одного случая) такие, в которых описание окружающей обстановки не является главным, а дается как некий важный, но все же сопровождающий материал. Единственное исключение, описание Одессы — это тоже лирическое отступление от основного сюжета.

В начале статьи говорилось о «боковом зрении» поэта, о том, что эмоциональность может иногда отрицательно повлиять на достоверность изложения. В тех случаях, когда описание является основным содержанием стихотворения или аргументом автора (если иметь в виду произведения публицистические), не всегда можно ручаться за объективность его, прежде всего в том смысле, что примеры-доказательства могут быть отобраны тенденциозно.

«Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Все хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом...»³³

Итак, проблема предвзятости существовала и для А. С. Пушкина. Как видим, он не обвиняет Туманского в недобросовестности, понимая, видимо, что «прямой поэт» может увидеть то, чего пока еще нет, но чего он желал бы, и не заметить того, что есть, но ему неприятно. Понятно, что публицист, желая, например, показать плохое состояние городского хозяйства, не опишет тех улиц, которые как раз хорошо вымощены, а возьмет наиболее впечатляющие плохие примеры.

Нам представляется, что наибольшая объективность и, следовательно, наибольшая научная ценность описаний обеспечены как раз тогда, когда они не имеют для автора решающего значения, а составляют именно фон, убедительную яркую подробность, обогащающую образ, но не основное содержание или решающий аргумент.

В подобных случаях эмоциональность, полемический запал не замутняют острого глаза поэта. Этот, если можно так выразиться, дополнительный или побочный образ для историка и этнографа всего дороже, всего ценнее.

Каков бы ни был сюжет литературного произведения, если оно посвящено современности, автор — прозаик или поэт — обычно представляет себе развитие действия в конкретной бытовой обстановке своего времени и от случая к случаю снабжает повествование убедительными и достоверными зарисовками обстоятельств, положений, бытовыми подробностями, которые он наблюдал в окружающей его действительности. Тогда-то он и становится для нас информатором-очевидцем, а произведение его — важным источником, имеющим при должной научной критике огромную ценность.

³² Пушкин А. С. Домик в Коломне.— ПСС, т. IV, с. 328—329, 334—335 (строфы XXXV—XXXVI, XX—XXIV); Научный архив Географического общества СССР, разр. 41, оп. 1, д. 15, с. 2; разр. 15, оп. 1, д. 29, лл. 24—24 об.

³³ Пушкин А. С. Отрывки из путешествия Онегина, с. 204.